

АВТОРИТЕТ
ТАЛАНТА

Вдохновение

ВЕЛИКИЙ живописец В. А. Серов требовал от своих учеников: «Нечего ждать вдохновения — сами идите к нему!» Рассказ о балерине Нине Тимофеевой — это прежде всего рассказ о человеке, который сумел повседневность превратить в поток вдохновенного труда, об артистизме, которым отмечен каждый час жизни народной артистки СССР, общественного деятеля.

Нина Тимофеева воспитывалась в Ленинградском хореографическом училище — старейшей и прославленной школе классического балета. Есть в этом училище неписанный закон воспитания: младшие классы со своими педагогами часто ходят на экскурсии по городу, вглядываются в гармонию его архитектурных форм, учатся у Ленинграда строгости и красоте рисунка, взлетности его пластики, застывшей и вместе с тем динамичной. Талантливая случайность заключена даже в том, что училище находится на улице Росси — в одном из самых прекрасных архитектурных ансамблей красивейшего из городов мира. Тимофеева — поистине дочь Ленинграда: по строгости сценической формы, графичности, музыкальности и законченности каждого движения, умению отречься от внешней эффектности ради внутренней гармонии, по четкости «прочтения» хореографического текста роли. Школа так рано проявила в ее творчестве, что еще ученицей она получила право дебюта на сцене Ленинградского академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова в партии Маши в «Щелкунчике» Чайковского. В труппу театра она пришла через два года — уже желанной: от нее многого ждали.

Лучшие партии русского, зарубежного и советского классического репертуара стали веками ее творческой судьбы. За двадцать шесть лет, которые миновали с того, детского дебюта в роли Маши: на двух ведущих сценах страны — ленинградской и московской — она была Жизелью и Лауренсией, Авророй и Раймондой, Китри в «Дон Кихоте» и Дианой в «Пламени Парижа», Хозяйкой Медной горы в «Каменном цветке».

И все же, пожалуй, о Нине Тимофеевой как о выдающемся явлении на современной балетной сцене заговорили после исполнения ею партии Мехменз-Бану в «Легенде о любви». Поэтичностью и трагизмом она поднялась в этой роли до первоисточника — лучшей из драм великого турецкого поэта Назыма Хикмета.

Нигде и ни в чем не терпящая инфантильности, смелая в самых критических жизненных ситуациях, Нина Тимофеева радостно создавала сильный, властный характер восточной владычицы. Мы увидели, как легко, чеканно выявляется в каждом ее движении безграничная власть над людьми. И увидели, как эта власть оказывается трагически бессильной перед могуществом любви к простоянцу Ферхадзу. Все духовные, колдовские силы Мехменз-Бану, ничтожной доли которых доставало для того, чтобы покорять сильнейших, брошены в битву за ответное чувство. Танец Тимофеевой — трагический монолог умной и мужественной женщины, отдавшей весь запас жизненной энергии завоеванию власти над любимым человеком. Ее страдания вызывают горячее сочувствие зрителей. Ее бессилие окладывает Ферхадза, влюбленного в кроткую лирическую Ширин, высекает горькую иронию.

Вот и на премьере балета Т. Хренникова «Много шума из ничего» мы вспоминали мастерство мимодрамы, которое выявила Тимофеева в партии Мехменз-Бану. И сравнивали с такой же чеканно-виртуозной мимокوميцей, раскрытой актрисой в роли шекспировской Беатриче. Две роли — два полюса. Объединяет их лишь искусство балерины мыслить в пластике, быть женственной и в то же время эпичной в создании образов мимотанцев, классических. Ее Беатриче — вся в искрометном диалоге с любимым Бенедиктом. В отличие от Мехменз-Бану она как бы бежит от любви, в последнюю минуту обманывая готового поверить в ее ответное чувство возлюбленного. Балетная пантомима в шекспировской комедии превалирует над танцем — трудно в пластике найти эквивалент образу, который Шекспир выписал в слове метком, острым, рожаемым в диалогах. Тимофеева и не стремится иллюстрировать шекспировское слово. Она дарит нам ощущение характера Беатриче, и в том ее успех.

Быстро смеющиеся, как бы незаконченные, скрытые конфликты, которыми Беатриче — Тимофеева живет в атмосфере озорного праздника, в действительности — результат такой же филигранной отделки роли, как это было в партии Мехменз-Бану, где конфликт обнажился до конца. Но даже здесь, в праздничном, зрелищно ярком спектакле, актриса стремится сгладить, сделать незаметным виртуозное свое мастерство. Она настолько не подчеркивает его, что зритель сплошь и рядом забывает о выдающейся технике исполнения, думая только о том, что происходит с персонажем Тимофеевой. И в этом — мужество, вкус, достоинство большого художника, которому всего важнее высветить мысль: Беатриче — сила миролюбивая, жизнеутверждающая, противопоставленная Шекспиром войну, отличившемуся в сражениях войны, но проигравшему в сражении с женщиной.

В РОЛИ Хозяйки Медной горы она была иной, хотя осталась верна своей теме. «Каменный цветок» на балетной сцене Большого театра начинал эпоху больших эпических полотен. Нина Тимофеева танцевала сказ из народного эпоса. И танцевала по-русски: широко, ее медленные дуэты с юным мастером Гаврилой были воплощением русской царственной женственности. В Хозяйке Медной горы не было потустороннего колдовства. Героиня Тимофеевой привлекала поэтической обобщенностью, рождением с красотой родной природы, ее неторопливым величием. Статью своей и пластичной балерины, созданная для балетных ролей героического репертуара, слилась с образом так тесно, как это бывает, да и то нечасто, лишь на драматической сцене или в кинематографе: каждый, кто видел Тимофееву в роли Хозяйки Медной горы, будет, читая сказ Бажова, представлять себе только героиню балета «Каменный цветок» на сцене Большого театра.

И, наконец, Эгина! Эгина, ставшая вровень с могучей и мрачной фигурой деспотического Красса — М. Лицы, Эгина, противопоставленная романтической героине Спартака — В. Васильева. При всей условности сцены волшебного обольщения восставших рабов сила воздействия Эгины, проникнувшей во вражеский лагерь, безусловна: ее легко признает каждый зритель. Не про-

сто женские чары распространяет вокруг себя героиня Тимофеевой — каждое ее движение напоминает о божественном происхождении женщины магнетической силе женского достоинства, власти, царственной воле. Напряженнейшее действие спружинено, сжато высоким давлением воли. Форма выражения строга, сдержанна и потому обжигает. И когда на сцене триумфа Красса ее поднимают на мечах и щитах, мы воспринимаем Эгину, трагически обманутую жертву интриги Красса, равной с триумфатором.

Творчество Нины Тимофеевой невозможно понять без знания такого свойства ее личности, как сосредоточенное внимание к людям. Она умеет слушать собеседника терпеливо и проникновенно, чутко всматриваясь в человека, подерживая его в моменты самые сокровенные, исповедальные. И, что всего важнее, умеет откликнуться на чужую беду, отозваться на нее действием. Именно эти качества, дружно признанные в коллективе Большого театра, возможно, выдвинули Н. В. Тимофееву и в депутаты Верховного Совета СССР.

Современный советский актер, — размышляет Нина Владимировна, — не может стать необходимым зрителям, если сам не испытывает нужды в общении с самым широким кругом современников. В нашем, казалось бы, условном из искусств искусств можно танцевать так, что это будет восприниматься как нечто архаическое, почти музейное, но можно быть и артистом, который творит на уровне современных проблем. Пример? Когда я танцую Эгину в «Спартаке», чувствую себя человеком, говорящим со зрителями о серьезнейших явлениях современности. Балетное искусство вторгается в жизнь, заставляет испытывать не только художественное наслаждение, но и думать. В этой связи моя депутатская деятельность оказалась полезной для меня граждански и творчески. Сразу же оговорюсь: не хотела бы присваивать себе достоинства, которые, если у меня и обнаружились, то только вследствие учебы у мастеров старшего поколения. Я, например, никогда не была непосредственной ученицей Галлы Сергеевны Улановой. И все же считаю себя ее ученицей: Уланова с ее художнической эрудицией, общественной энергией, творческой активностью всегда была и остается для меня примером человека, с которого, говоря словами Маяковского, хочется «делать жизнь»...

Справедливость требует заметить, что «делать жизнь» Н. Тимофеевой хочется, следуя не только примеру великой советской балерины: все лучшее, что живет и появляется в мировом искусстве балета, вызывает в ней, опытным мастере, желание понять, освоить, примерить на своем опыте.

Ей аплодировали зрители Финляндии, Кубы, Германской Демократической Республики, многих других стран мира. Со всем неважно она с триумфом танцевала в Париже, утверждая славу современного советского балета — лучшего в мире. Сегодня замечательная балерина в той счастливой поре, когда мастерство и прыжок одинаково высоки.

...А дома, в Москве, из всех дальних и ближних гастролей поездов ее ждет дочь — маленькая Надежда, которая каждое утро надевает маленькие балетные туфли и становится к станку. Как мама...

Александр КРАВЦОВ.